

6

—ІЗЪ ПУТЕШЕСТВІЙ

ПО ВОСТОЧНОЙ СИБІРИ, МОНГОЛІЇ, ТІБЕТУ И КИТАЮ.

СВОРНИКЪ СТАТЕЙ

А. В. ПОТАНИНОЙ.

Съ біографіей, портретомъ, пятью таблицами рисунковъ
и 34 политипажами въ текстъ.

Издание Географического Отдѣленія ИМПЕРАТОРСКАГО Общества
Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографии.

МОСКВА.

Типографія Елизаветы Гербекъ, 2-я Мѣщанская, домъ № 26.

1895.

школы закрыты. Къ настоящему году (1891) въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Сибири бурятъ было 12; кромѣ того было нѣсколько дѣвицъ въ гимназіи и въ институтѣ. Въ народныхъ училищахъ Иркутской губ. бурятскихъ мальчиковъ училось 279, но это только въ школахъ министерства народнаго просвѣщенія, вообще же число учащихся должно быть значительно больше; есть также и женскія школы среди бурятскаго населенія. Въ Забайкальской области къ январю 1889 г. всего въ школахъ было 3062 дѣтей, изъ нихъ 325 бурятскихъ мальчиковъ, 163 православныхъ и 132 некрещеныхъ. Всего въ Иркутской губ. и Забайкальской области обучалось 604 инородческихъ мальчика, въ томъ числѣ было нѣсколько тунгусовъ, но они не выдѣлены въ отчетахъ, и число ихъ не должно быть значительно. По отзывамъ народныхъ учителей, дѣти бурятъ по способностямъ не ниже русскихъ дѣтей и почти всѣ выказываютъ способность къ рисованію.

Настоящая древняя религія бурятъ — шаманство. Эта религія, повидимому, возникла тутъ же, на мѣстѣ, вмѣстѣ съ самимъ народомъ, а не заимствована у кого-либо другаго. Та же религія существуетъ и у другихъ народовъ Сибири.

Шаманство — это вѣра въ благодѣтельныя и враждебныя силы природы. Народъ первобытный такъ сильно зависить отъ окружающей его природы и на первыхъ порахъ своей исторіи такъ беззащитенъ противъ стихій, что невольно долженъ преувеличивать могущество физическихъ явлений, среди которыхъ проходитъ и отъ которыхъ зависитъ его жизнь. Вначалѣ, добывая себѣ пропитаніе исключительно охотой или рыболовствомъ, человѣкъ чувствовалъ, что жизнь его вполнѣ зависитъ отъ явлений природы, его окружающей. Если небо было туманно, если шель снѣгъ или дождь, если морозъ заковывалъ рѣку непроницаемымъ для его слабыхъ орудій льдомъ, — человѣкъ не только терпѣлъ отъ непогоды, онъ терпѣлъ также отъ голода, а нерѣдко умиралъ. Источникомъ свѣта, тепла и холода, дождя и снѣга первобытный человѣкъ скорѣе всего могъ считать небо, — и дѣйствительно, у шаманистовъ небо пользуется прежде всего божескими почестями, оно считается подателемъ жизни, какъ бы всеобщимъ отцомъ. Атмосферическія явленія, зависящія, по представлению первобытнаго человѣка, отъ неба, были губительны или благодѣтельны для всей природы, какъ для животнаго, такъ и для растительнаго міра, отъ которыхъ въ свою очередь всецѣло зависѣла жизнь тогдашняго человѣка; и вотъ у первобытнаго бурята явилась мысль сильной зависимости отъ природы,

но обобщать явленія онъ не умѣлъ, онъ чувствовалъ свою зависимость именно отъ природы той мѣстности, гдѣ жилъ, и, кроме обожанія неба, у него явилось обожаніе той земли, той рѣки, озера, долины, горы, лѣса, среди которыхъ онъ жилъ и гдѣ онъ добывалъ свое пропитаніе. Живя вблизи горъ, буряты научились наблюдать связь нѣкоторыхъ атмосферныхъ явленій съ ближайшими высокими вершинами этихъ горъ, откуда текли къ нимъ воды, гдѣ скоплялись облака, гдѣ гремѣлъ громъ, тогда какъ долины не испытывали грозовыхъ явленій. И вотъ у бурята явилась мысль выдѣлить горы, какъ мѣста особенно священные; у нихъ явилось поклоненіе горамъ. Съ развитиемъ скотоводческаго быта, когда человѣкъ уже накопилъ много наблюдений надъ окружающей его природой, эта связь между окружающими его явленіями и его благосостояніемъ должна была сдѣлаться ощущительнѣе, жизнь перестала быть рядомъ счастливыхъ случайностей и стала больше зависѣть отъ неизмѣнно повторяющихся явленій одной и той же окружающей человѣка мѣстности. Тогда у человѣка явилось чувство привязанности къ мѣсту и мысль, что природа относится не безучастно къ тѣмъ, кто живетъ среди нея; свои собственные чувства къ природѣ онъ придалъ ей, и затѣмъ явилась вѣра въ существование духовъ данной мѣстности.

Въ высокой горной вершинѣ человѣкъ сталъ видѣть не мертвый предметъ, а существо чувствующее; онъ придалъ ей свои человѣческія черты. То же самое понятіе о духовности, о нѣкоторыхъ общихъ съ человѣкомъ чертахъ было приложено первобытнымъ человѣкомъ и ко всѣмъ другимъ физическимъ явленіямъ природы. Губительная бури на Байкалѣ, наводненія рѣкъ, часто внезапныя, сильные снѣжные бураны должны были казаться дикарю чисто произвольными явленіями, какъ будто это были дѣйствія живаго существа. Такимъ образомъ у первобытного человѣка явилась мысль, что силы природы — такія же личныя существа, съ такой же волей и съ такими же страстиами, какъ и человѣкъ, и что ихъ такъ же, какъ и человѣка, можно устрашить, заклясть, умолить или умилостивить подарками. Вотъ происхожденіе въ шаманской религіи жертвъ.

Борьба съ такими сильными противниками, каковы стихіи, требовала отъ человѣка не физической силы, а чего-то другаго, большаго, и вотъ изъ среды народа выдѣлились люди съ особенно сильными умственными способностями, съ сильнымъ воображеніемъ и особенно съ сильнымъ нравственнымъ мужествомъ; такие люди и брали на себя сношенія съ духами или съ силами природы. Таково происхожденіе *шамановъ* — такъ назы-

ваютъ буряты посредниковъ своихъ между духами и людьми. Эти выдающиеся своими способностями люди несомнѣнно имѣли большое влияніе на своихъ соплеменниковъ, защиту которыхъ отъ высшихъ силъ природы они брали на себя. Они и послѣ смерти своей продолжали пользоваться уваженіемъ — и вотъ у шаманистовъ, вслѣдъ за появлениемъ духовъ, олицетворявшихъ различныя явленія природы, за духами-хозяевами (*ижинами*) горъ, озеръ, рѣкъ и разныхъ другихъ уроцишъ, появились духи умершихъ шамановъ, отъ которыхъ они также стали ждать покровительства или вражды. Вслѣдъ за душами шамановъ могли почитаться души и другихъ, особенно почитаемыхъ или особенно любимыхъ людей.

Вмѣстѣ съ другими физическими явленіями первобытный человѣкъ, къ тому же еще житель нашего сѣверного климата, не могъ не чтить огня — стихіи такъ важной и благодѣтельной въ жизни. И действительно, почитаніе огня у бурятъ очень развито. Кромѣ того, огонь, горящій на очагѣ, постоянно поддерживаемый женщиной, слѣдался какъ бы символомъ семьи. До сихъ поръ, вмѣсто проклятія своему врагу, буряты говорятъ: „да потухнетъ огонь твой!“ — и это понимается, какъ желаніе прекращенія рода.

Все, что мы сейчасъ говорили о бурятскомъ шаманствѣ, можно сказать вообще о шаманской религії. Но, какъ и слѣдовало ожидать, въ шаманствѣ каждая отдельная мѣстность, каждое племя, каждый родъ имѣютъ своихъ духовъ-покровителей, и въ каждой мѣстности разсказываютъ свои исторіи о происхожденіи тѣхъ или другихъ духовъ, даютъ имъ ту или другую родословную, сообразно съ мѣстными условіями и также благодаря вымыслу мѣстныхъ шамановъ и поэтовъ. Есть, однако, нѣкоторыя религіозные представленія, общія для всѣхъ бурятъ. Такъ, у всѣхъ бурята главнымъ божествомъ считается Ханъ-Тюрмасъ-Тэнгери. Ханъ-Тюрмасъ-Тэнгери имѣеть трехъ сыновей, одинъ изъ нихъ — Гэсэръ-Богдо — есть любимое лицо народныхъ легендъ. Это обобщенное представленіе, повидимому, есть уже позднѣйшее представленіе; въ рѣчи, въ молитвенныхъ призывающихъ чаше упоминаются западная и восточная небеса, которыя насчитываются очень много, иногда до 99-ти небесъ. Наблюдая названія этихъ многочисленныхъ *тэнри* (небесъ), упоминаемая въ шаманскихъ гимнахъ, можно замѣтить, что это обиліе небесъ появилось вслѣдствіе тѣхъ разнообразныхъ явленій небесныхъ, которыя наблюдались людьми. Такъ, есть *Хуху-тэнри* — голубое небо, *Окторюон-тэнри* — ночное небо, небо красной зари и т. д. Слово „тэнгри“, обозначавшее вначалѣ только видимое небо,

впослѣдствіи стало употребляться также въ смыслѣ духа. Современный буря́тъ, говоря о различныхъ тэнри, уже не представляетъ себѣ ихъ иначе, какъ существами личными, духовными.

Кромѣ тэнгріевъ, существъ небесныхъ, буряты представляютъ себѣ еще посредниковъ между этими высшими существами и людьми и называютъ ихъ хатами. Хаты — небеснаго происхожденія, но они спускаются также и на землю. Представляя себѣ много небесъ, буряты дѣлять ихъ на восточная и западная. Перенося человѣческую жизнь на небо, буряты думаютъ, что у хатовъ восточныхъ небесъ и у хатовъ небесъ западныхъ происходитъ или происходила въ древности борьба. Иногда въ ихъ легендахъ разсказывается о томъ, что борьба эта происходила между отдельными богатырями, представителями того и другого неба; иногда — и это болѣе распространенное представление — борьба происходитъ между двумя быками, чернымъ и сивымъ. Побѣда, по ихъ представлениямъ, остается за представителемъ западныхъ небесъ, и ихъ буряты считаютъ благодѣтельными для себя, а восточная небеса — враждебными. Главнымъ божествомъ неба, по легендарнымъ сказаніямъ и сказкамъ буряты, является Эзэ́-Маланъ-Тэнри. Всѣ эти небожители, по представлениямъ буряты, какъ они отразились въ ихъ сказанияхъ, ведутъ жизнь, во всемъ подобную людской жизни. Они также женятся, имѣютъ дѣтей, слугъ, враговъ и друзей; у нихъ также есть стада, такія же жилища и одежды, какъ и у буряты, только все это богаче, чѣмъ у простыхъ смертныхъ. Жизнь небожителей разсказывается въ священныхъ легендахъ, передаваемыхъ шаманами во время ихъ богослуженій, и кромѣ того служитъ предметомъ безчисленныхъ, иногда очень длинныхъ, сказокъ свѣтскаго характера. Самымъ лучшимъ руководствомъ для ознакомленія съ шаманской миѳологіей, по словамъ буряты, является героическая поэма о Гэсэръ-ханѣ — сыне неба. Сказки, въ которыхъ упоминаются имена божествъ, слушаются бурятами съ почтеніемъ; сказочники, умѣющіе вѣрно, не исказяя, передавать сказку, пользуются почетомъ; сами божества награждаютъ такихъ сказочниковъ, какъ думаютъ буряты.

Кромѣ тэнриевъ и небесныхъ хатовъ, есть еще водяные хаты, уханъ-хаты. Представителями хатовъ бывають заяны; это слово переводить буряты творецъ, его же можно перевести словомъ покровитель. Такъ, напр., есть заянь города Кяхты; буряты-шаманисты употребляютъ слово заянь въ значеніи божества.

Всѣ эти три разряда духовъ, такъ сказать, небеснаго или высшаго

происхождения; кроме нихъ, у шаманистовъ-бурятъ есть еще ближайшие къ людямъ духи-покровители—это онгоны. Наряду съ онгонами можно поставить также очень уважаемые бурятами бумалъ-шилуны—это камни, упавшие съ неба; они почитаются тѣми родами или фамилиями бурятъ, на землѣ которыхъ были найдены *).

Онгонами считаются иногда нѣкоторыя животныя, напр., орелъ—у ольхонцевъ, лебедь—у хангинскихъ бурятъ. Вѣроятно, желая сдѣлать этихъ онгоновъ доступнѣе для людей, шаманисты лѣлаютъ ихъ изображенія—это или шкурка животнаго—горностая, зайца, хорька, соболя, украшенная лентами, или человѣческая фигура, вырѣзанная изъ дерева, или сшитая изъ лоскутковъ кукла, а иногда—рисунокъ. Рисунки онгоновъ лѣлаются или на доскахъ, или, чаще, на лоскуткахъ красной краской; иногда на лоскуткѣ рисуется цѣлый рядъ фигуръ, напр., девять небесныхъ дѣвъ, девь сестры Галзушки, двѣнадцать кузнецовъ и т. д. Рисунокъ часто упрощенъ до послѣдней возможности; это почти только символическія изображенія: человѣческую фигуру, напр., изображаютъ кружкомъ вместо головы, чертой, развоенной внизу,—туловище и ноги, и другой чертой, поперечной—руки. Но почти всегда посреди этого изображенія прикрѣпляется металлическая, изъ жести или желѣза, фигурка, называющаяся душой. Несмотря на простоту рисунка, онгоны различаются своими атрибутами. О каждомъ онгонѣ существуютъ легенды; ихъ надо знать, чтобы изобразить того или другаго онгона. Очень часто встрѣчаются онгоны, изображающіе нѣкогда жившихъ шамановъ; иногда это фигуры людей съ бубномъ въ рукахъ, иногда одинъ только бубень. Иногда онгоны представляютъ предковъ; у хангинцевъ есть очень оригинальный онгонъ—это кружокъ изъ дерева, на которомъ грубо обозначены глаза, носъ, ротъ; рассказываютъ про него, что, когда буряты переселялись изъ Монголіи, одинъ изъ бурятъ привезъ съ собой отрѣзанную голову своего отца, котораго звали Бортё; этотъ онгонъ и называется Бортё. Хангинцы и шараты особенно почитаютъ лебедя; они рассказываютъ по этому поводу такую исторію. Три дочери Тэнгирь-Шара-Хасара спускались въ видѣ лебедей на землю, на берегу озера снимали лебяжки шкурки и купались въ видѣ дѣвъ; во время одного такого купанья Хоридой-Моргонъ успѣлъ спрятать лебяжью одежду одной

*) По словамъ нѣкоторыхъ русскихъ, бумалъ-шилуны сохраняются въ особыхъ ящикахъ на высокихъ шестахъ: изрѣдка ихъ омываютъ, и вода эта считается целительной.

изъ дѣвъ, Хобоши-хатунъ; остальная двѣ сестры улетѣли въ лебяжихъ одеждахъ на небо, а Хобоши-хатунъ стала женой Хоридоя; отъ ихъ дѣтей произошли эти два бурятскіе рода — шараты и хангинцы. Буряты племени Булагатъ и племени Эхиритъ считаютъ своимъ предкомъ: первый — Буханоина, т.-е. одного изъ тѣхъ быковъ, которые участвовали въ борьбѣ восточныхъ и западныхъ хатовъ; второй произошелъ изъ воды и считается сыномъ уханъ-хатовъ; обѣ обоихъ предкахъ есть длинная и очень сложная, а также невсегда однообразно разсказываемая, легенды.

Кромѣ онгоновъ-покровителей рода, есть множество онгоновъ-покровителей скота, особые для лошадей, коровъ, барановъ; есть также онгоны различныхъ болѣзней, онгоны игръ, онгоны промысловъ; есть, напр., особый онгонъ веселъ, лодки, остроги; особенно развиты онгоны кузничаго дѣла, — ихъ очень много.

Онгоны призываютъ въ случаѣ болѣзни дѣтей, того или другаго скота, при промыслахъ и также при играхъ. Призываю ихъ, имъ иногда приносятъ жертвы, по большей части водкой и молочными продуктами, но въ важныхъ случаяхъ приносятъ и кровавыя жертвы. Онгоны сохраняются въ особыхъ деревянныхъ ящикахъ (очень напоминающихъ наши скворешницы); иногда привязываютъ этотъ ящикъ на столбѣ къ юртѣ, иногда отдельные онгоны размѣщаются на особыхъ соотвѣтствующихъ ихъ значенію мѣстахъ, такъ, напр., подвѣшиваются въ мѣшечкѣ наль кроватью или надъ колыбелью ребенка. Завести полный комплектъ онгоновъ очень трудно; надо пригласить очень свѣдущаго шамана, который зналъ бы, какъ сдѣлать каждый онгонъ; затѣмъ, когда онгоны готовы и положены на бѣлую шкуру лошади, надо принести имъ жертву: кромѣ сметаны и масла, надо и жеребенка заколоть, а иногда барана и козла. Кромѣ этого жертвоприношения при освященіи, усердные домохозяева не разъ въ своей жизни должны устроить жертвеннное угощеніе своимъ онгонамъ; во время принесенія жертвъ шаманъ поетъ гимны въ честь ихъ или говоритъ легенды о нихъ.

Послѣ смерти хозяина дома онгоновъ слѣдуетъ сжечь, но при этомъ слѣдуетъ заколоть барана, завернуть каждую фигурку въ бараний сальникъ и затѣмъ уже бросить въ костеръ, устраиваемый гдѣ-нибудь въ полѣ; избѣгая этихъ расходовъ, буряты чаше не сжигаютъ онгоновъ, а складываютъ ихъ въ ящикъ и выставляютъ на шестѣ не подалеку отъ юрты или дома.

Сообразно съ почитаніемъ силъ природы, буряты совершаютъ моленія

въ связи съ главными годовыми явлениями: весной, когда появляются хорошия травы и у скотоводовъ наступаетъ изобиліе въ пищѣ,—и осенью, когда увеличившіяся стада позволяютъ убивать ожирѣвшую за лѣто скотину. Нѣкоторые осенью приносятъ особья жертвы въ честь матери-земли, которую представляютъ сѣдовласой старухой.

На такія общественные жертвоприношенія собираются иногда цѣлымъ родомъ; число съѣзжающихся бываетъ въ нѣсколькоъ тысячъ; богатые роды дѣлаютъ такія общественные жертвоприношенія—*тайланы*—чаще, по нѣсколькоъ въ годъ; бѣдные—рѣже, года черезъ три. Бываютъ и меньшая общественные собранія, гдѣ участвуютъ толькососѣдніе улусы. На тайлганахъ, кромѣ принесенія жертвъ на общественный счетъ, устраиваются также игры, скачки, борьба, стрѣльба въ цѣль и т. п. На тайлганахъ женщины, какъ чужія къ роду, не присутствуютъ; но девушки, какъ принадлежащія роду, принимаютъ въ нихъ участіе.

Кромѣ *тайлановъ*, бываютъ частныя жертвоприношенія, дѣлаемыя отдельной семьей или по обѣту, или по болѣзни; такое частное жертвоприношеніе называется *кырыкъ*. На тайлганахъ и кырыкахъ всегда приносятъ въ жертву скотъ, часто лошадей. Старые люди и шаманы знаютъ, какой скотъ слѣдуетъ приносить въ жертву въ томъ или другомъ случаѣ.

Мѣсто тайлгановъ бываетъ обыкновенно уже издавна одно; на немъ бываетъ *обо*, т.-е. куча камней или хворосту, посвященная мѣстному *заяну* или *ижину*—хозяину мѣста.

Послѣ извѣстныхъ церемоній, устройства жертвеннника, установленія особыхъ, украшенныхъ лентами, березокъ *турлэ*, освященія черезъ куреніе пихтой и верескомъ (*jupiperus*) всѣхъ принадлежностей жертвопринощенія, посуды, участвующихъ въ немъ людей и проч., начинаютъ жертвоприношеніе водкой и молочными продуктами; послѣ возліянія на огонь пьютъ водку шаманы и старики и даютъ или дѣлаютъ видъ, что даютъ, назначеннымъ въ жертву животнымъ; потомъ ихъ убиваютъ особымъ способомъ, очень древнимъ по преданіямъ: имъ распарываютъ животъ и затѣмъ запускаютъ во внутренности руку и сжимаютъ рукой аорту. Кожу снимаютъ тоже особымъ образомъ, оставляя нижня кости ногъ, голову, легкія и сердце въ кожѣ; мясо животнаго снимаютъ съ костей и варятъ, а нѣсколько жира и небольшую часть мяса сжигаютъ на жертвенномъ огнѣ. Шкуру съ головой слегка набиваютъ соломой и вѣшаютъ на березку; если это происходитъ на тайлганѣ, то голову чучелы обращаютъ на западъ; если на кырыкѣ, въ честь восточныхъ хатовъ, то чучелу обращаютъ голо-

вой къ востоку. Кости жертвенныхъ животныхъ сожигаютъ на особо сложенныхъ *шире*—жертвеннникахъ, сложенныхъ изъ камня, а гдѣ нѣтъ камня, просто на особомъ кострѣ. Во время жертвоприношениія и затѣмъ, пока варится мясо, участвующіе въ таилганѣ бываютъ заняты играми, борьбой, скачками, причемъ, конечно, старики представляютъ только зрителей. Сваренное жертвенное мясо дѣлится по числу участвующихъ въ таилганѣ семей и съѣдается каждой семьей отдельно; часть мяса непремѣнно отвозится домой и раздается тѣмъ домашнимъ, которые не могли быть на таилганѣ.

Самыми веселыми таилганами почему-то бываютъ таилганы *уханъ-хатамъ*, водянымъ духамъ; они всегда устраиваются на берегу рѣки, на нихъ участвуютъ также замужнія женщины. Во все время праздника молодежь пляшетъ национальный танецъ. Во время жертвоприношениія отцы семействъ подходятъ къ рѣкѣ и пьютъ воду, называя ее при этомъ *аршанъ*, т.-е. священная или живая вода. Затѣмъ шаманы въ своихъ призывающихъ приглашаютъ водяныхъ зяновъ принять жертвы и за нихъ ниспослать жертвователямъ блага земные, отъ нихъ зависящія; послѣ моленій шаманъ бросается къ рѣкѣ, показывая намѣреніе кинуться въ нее. Молодые люди уже ожидаютъ этого и удерживаютъ его, а если не успѣютъ, то вытаскиваютъ изъ воды. Дѣлается это потому, что шаманъ во время своего шаманскаго дѣйствія считается воплощеніемъ тѣхъ духовъ, которыхъ онъ призывалъ; олицетворяя *уханъ-хатовъ*, онъ долженъ возвратиться послѣ призыва въ свое жилище — воду. На этихъ же таилганахъ бываетъ гаданье, котораго на другихъ не бываетъ. Отцы семействъ растапливаютъ олово и выливаютъ его въ чашку воды, зачерпнутой изъ рѣки; вылившаяся фигура даетъ подсказку различнымъ толкованіямъ будущей судьбы. Въ гаданье это очень вѣрятъ, и довольно неудачно вылившагося олова, чтобы веселье смѣнилось уныніемъ.

Главными дѣйствующими лицами во время жертвоприношениій являются шаманы; ихъ роль особенно важна въ томъ случаѣ, когда совершается *крыжъ* по случаю болѣзни или другаго частнаго события.

Шаманы не представляютъ у бурятъ определенного сословія, такъ какъ шаманомъ можетъ сдѣлаться не всякий, а лишь тотъ, кто получитъ даръ свыше. Чаще всего, однако, шаманство бываетъ наследственно въ томъ или другомъ родѣ. Даръ шаманства можетъ получить и женщина, и въ бурятскомъ народѣ сохраняется память о многихъ знаменитыхъ шаманкахъ; даръ шаманства даже чаще передается по женской линіи. Бываютъ также

шаманы, получивши даръ шаманства по особому случаю: если, напр., человѣкъ умреть отъ грозового удара, то кто-нибудь изъ его родственниковъ по нисходящей линіи долженъ сдѣлаться шаманомъ.

Шаманъ, какъ извѣстно, долженъ имѣть сношеніе съ духами, приходить въ особое восторженное экстатическое состояніе, имѣть видѣнія или, по крайней мѣрѣ, живое творческое воображеніе; понятно, что не всякий способенъ на это; для людей нервозныхъ, легко возбуждающихся, это легче, чѣмъ для хладнокровныхъ; понятно также, почему шаманская способность передается по наслѣдству: въ большинствѣ случаевъ это обусловливается наслѣдственностью темперамента и того психического разстройства, которое въ большей или меньшей степени существуетъ у всѣхъ шамановъ.

Иногда шаманы тяготятся своимъ званіемъ, но они не всегда могутъ отказаться отъ наклонности къ шаманству; рассказываютъ, что съ такими, удерживающимися отъ шаманства, лицами дѣлаются нервные и даже эпилептические припадки, указываютъ даже случаи самоубийства. Есть шаманские роды, где эта наклонность къ самоубийствамъ проявляется очень часто.

Чаще всего люди, наклонные къ шаманству, еще смолоду присутствуя на шаманскихъ дѣйствіяхъ, начинаютъ принимать въ нихъ участіе въ качествѣ помощниковъ. Иногда такой молодой шаманъ начинаетъ тосковать, удаляться отъ общества, въ уединеніи начинаетъ предаваться шаманской плясѣ, а затѣмъ уже выступаетъ и передъ обществомъ. Бурятскіе шаманы, при вступленіи въ это званіе, подвергаются особому посвященію съ довольно сложной обрядностью.

Сообразно дѣленію хатовъ на восточныхъ и западныхъ, на благодѣтельныхъ и враждебныхъ, и шаманы у бурятъ бывають двухъ родовъ: *черные* и *белые*. Одни призываютъ свѣтлыхъ духовъ западныхъ, другіе—восточныхъ или подземныхъ. Разница эта сказывается въ обрядахъ и въ одеждахъ шамановъ, если не всегда при жизни, то, по крайней мѣрѣ, по смерти: при похоронахъ чернаго шамана одѣваютъ въ синюю шубу, бѣлаго—въ белую. Чернымъ шаманамъ часто приписываются различныя бѣдствія, постигающія ихъ сосѣдей; нерѣдко къ нимъ питаютъ ненависть, а иногда, говорятъ, и убиваютъ изъ мщенія, обезопашивая себя осиновыми гробомъ и гвоздемъ, которымъ трупъ шамана прибиваются къ могилѣ внизъ лицомъ. Впрочемъ, это, очевидно, уже позднѣйшій способъ погребенія; болѣе древній—сожиганіе шамана, послѣ чего собирали кости и пепель, выдалбливали въ деревѣ пустоту, закладывали туда прахъ и сверху опять задѣлывали отверстіе;

на этомъ же деревѣ вѣшали его плащъ и его бубенъ, если шаманъ его имѣлъ. Хоронятъ шамановъ и такимъ образомъ: ставятъ гробъ его на деревѣ. Хоронятъ обыкновенно на горахъ. Души умершихъ шамановъ дѣлаются заянами и обыкновенно извѣстны подъ именемъ юрныхъ старцевъ.

Шаманское дѣйствіе состоитъ на-половину изъ опредѣленного обычаемъ ритуала, отчасти же изъ импровизаціи, каждый разъ новой. Если шаманъ призываетъ свѣтлыхъ духовъ, онъ въ своей мистеріи представляетъ поѣзду или полетъ на небо; если онъ призываетъ темные силы, онъ долженъ изображать свое поѣщеніе подземного міра. Конечно, подробности въ томъ и другомъ случаѣ должны быть различны.

Совершается шаманское дѣйствіе такимъ образомъ: въ юрѣ или на открытомъ воздухѣ разводится огонь, на него бросаютъ пихту, верескъ, богословскую траву для куреній; юрту обрызгиваютъ молокомъ; если шаманъ съ бубномъ, то нагрѣваютъ бубенъ, чтобы онъ былъ звончѣ; у бурятъ, впрочемъ, шаманы рѣдко употребляютъ бубенъ *). Затѣмъ шамана одѣваютъ въ особую шубу и шапку, если онъ посвященъ и имѣеть эти вещи. Шуба шамана обыкновенно дѣлается изъ замши, обшита бахромой изъ ремней и желѣзными привѣсками; первые иногда изображаютъ, а иногда только носятъ название змѣй. Шапка у бурятскихъ шамановъ состоитъ изъ желѣзного сквознаго шлема; къ оболу, надѣваемому на голову, прикрѣпляютъ двѣ желѣзныя полудуги, перекрещивающіяся на вершинѣ; иногда такой шлемъ дѣлается съ рогами напереди. Въ прежнее время бурятскіе шаманы употребляли очень грубо сдѣянныя маски, но теперь ихъ не упо-

*) Бубень устраивается такимъ образомъ: дѣлается деревянный ободъ, какъ для сита, аршина 2 — 4 изъ окружности, и на него съ одной стороны натягивается шкура какого-нибудь молодаго животнаго, очищенная отъ волосъ; внутри устраивается вертикальная перекладина или ручка для держанья; часто она дѣлается въ видѣ грубаго изображенія человѣка; поперекъ бубна, внутри, натягивается желѣзная полоска, называемая тетивой; она дѣлается витая, на ней подвѣшиваются желѣзныя подвески, которыя могутъ передвигаться справа налево и наоборотъ; отъ ихъ движенія по винтообразной поверхности происходитъ особый металлический шорохъ при каждомъ поворотѣ бубна въ рукахъ шамана. Въ такой бубенъ шаманъ ударяетъ особой деревянной лопаточкой, обтянутой шкурой козленка съ неснятой шерстью. Эта лопаточка называется ташіуръ, „плеть“. Нѣкоторые шаманы гадаютъ, бросая ее вверхъ и замѣчая, какой стороной упадетъ она, выпуклой или выгнутой. Бубенъ иногда въ рукахъ шамана изображаетъ лукъ, иногда птицу, на которой шаманъ поднимается къ небесамъ, а иногда, если у шамана иѣть хорьба или жезловъ, — его лошадь.

требляютъ. Одѣтому шаману подаютъ его жезлы: это самая необходимая его принадлежность; жезлы дѣлаются изъ желѣза или дерева; они представляютъ коня, вверху у деревянныхъ жезловъ вырѣзана лошадина голова; кончаются они копытомъ; посрединѣ жезла есть легкій выгибъ, подобіе лошадиной спины, — на этомъ мѣстѣ подвѣшиваются маленькия стремена.

Становясь у огня, шаманъ и его помощники, одѣвавши его, начинаютъ пѣть гимны; при этомъ шаманъ раскачивается туловищемъ во всѣ стороны, ноги его остаются неподвижны, или же онъ дѣлаетъ прыжки, упираясь на свои кости. Эти движенія шамана, очень сильныя и быстрыя, приводятъ его въ особое настроеніе; въ него, какъ думаютъ шаманисты, входятъ духи, которыхъ онъ призываетъ, или говорятъ, что его душа въ это время уходитъ изъ тѣла и совершаетъ странствія въ жилища западныхъ или восточныхъ хатовъ, или въ царство Эрлэнъ-хана, въ царство умершихъ людей: тамъ ему приходится быть въ томъ случаѣ, если онъ молится за больнаго. Буряты думаютъ, что послы Эрлэнъ-хана похишаютъ души людей раньше наступленія смерти и что болѣзнь и смерть — только послѣдствія того, что организмъ человѣка не можетъ жить долго безъ души. Во время дѣйствія (*камланья*, какъ говорятъ русскіе, производя этотъ глаголъ отъ слова *камъ*, какъ называются шаманы на тюркскихъ нарѣчіяхъ) шаманъ долженъ сообщить присутствующимъ, что съ нимъ происходитъ, и для этого онъ и его помощники поютъ заранѣе сложенные на этотъ случай пѣсни, или импровизируютъ подходящіе къ случаю разсказы, или даже разыгрываютъ подходящія сцены, объясняя ихъ значеніе коротенькими фразами, которыми шаманъ перекидывается съ помощниками. Такъ, напр., шаманъ мимически изображаетъ свой страхъ при появлѣніи передъ очи грознаго Эрлэнъ-хана, свои униженныя мольбы передъ нимъ, поднесеніе подарковъ и т. д. Конечно, большее или меньшее искусство при этомъ зависитъ отъ способностей и знаній шамана.

Ненормальное восторженное состояніе, которое должно овладѣвать шаманомъ для того, чтобы его мистеріи были искренни, наступаетъ не у всякаго человѣка скоро; иногда шаманить приходится и 2—3 сутокъ, чтобы вдохновеніе посѣтило шамана. Шаманство тогда совершается съ небольшими отдыkhами. Съ niektóryми шаманами, особенно часто съ женщинами, дѣлаются при этомъ эпилептическіе припадки: они падаютъ на полъ и въ конвульсіяхъ бьются на полу, изо рта ихъ течетъ пѣна, они рычатъ или кричатъ, подражая животнымъ, бросаются на присутствующихъ, угро-

жая имъ когтями,—отчасти это болѣзньенныя явленія, отчасти, вѣроятно, сознательное желаніе устрашить присутствующихъ. Вообще опредѣлить границу, гдѣ у шамана сознательныя дѣйствія и гдѣ онъ самъ находится во власти ненормально возбужденныхъ чувствъ, очень трудно. Присутствующие, видя бѣснованія шамана, думаютъ, что имъ овладѣли тѣ духи, которыхъ онъ призываетъ или съ которыми ему приходится бороться. Изреченія шамана въ такомъ возбужденномъ состояніи считаются пророческими.

Въ настоящее время шаманство, какъ религія очень грубая, первобытная, перестало уже удовлетворять бурятъ, и многіе изъ нихъ переходятъ къ христианству или буддизму. Тамъ, гдѣ вліяніе русскихъ сильно, какъ это мы видимъ у сѣверо-западныхъ бурятъ, они почти всѣ крещены; въ Забайкальѣ, гдѣ связи съ Монголіей крѣпче и куда въ XVII в. пришла часть селенгинскихъ бурятъ-буддистовъ, религія эта распространилась по всему краю и держится крѣпко. Говоря однимъ языкомъ и, главное, чувствуя свою большую умственную и нравственную близость съ одноплеменными имъ монголами, чѣмъ съ чужими по крови и духу русскими, буряты, очень естественно, быстро усвоили ламайское вѣроученіе. Этому также много помогла буддистская вѣротерпимость и общность многихъ вѣрованій ламайскаго буддизма съ общимъ всѣмъ восточнымъ народамъ древнимъ шаманизмомъ.

Болѣе высокая нравственность въ буддизмѣ, стройное вѣроученіе, красавая обрядность, монашескія учрежденія все должно было повліять благопріятно на то, чтобы буряты отъ шаманства перешли къ ламейству. Только въ 1741 г. государство признало за забайкальскими бурятами право исповѣдывать буддизмъ, а въ настоящее время у многихъ изъ нихъ уже утратилось всякое представление о томъ, что предки ихъ были, и притомъ еще такъ недавно, шаманистами. Забайкальские буддисты искренно вѣрятъ, что *желтая вѣра*, какъ они называютъ буддизмъ, была ихъ исконной религіей *). Въ 1764 г. правительство позволило бурятскому народу избрать себѣ особаго духовнаго руководителя; это' такъ называемый *хамбо-лама*, т.-е. ученый лама; онъ вѣдаеть духовныя дѣла края и считается настояте-

*) Надо замѣтить, впрочемъ, что въ краѣ находятся древнія развалины, принадлежащія, повидимому, буддистскимъ храмамъ. Археологическія находки также свидѣтельствуютъ, что буддизмъ существовалъ въ краѣ задолго до прихода русскихъ въ Сибирь.